

«Что может быть лучше веселой бедности?»

В России глубоко укоренились ценности «выживания». Это продукт российской истории на протяжении не менее тысячи лет. **Все брал и давал верховный правитель, как бы он ни назывался.**

Мало кто был уверен в неприкосновенности своей собственности, а ее экспроприация и последующая раздача сверху, или получение по итогам «кормления», вела к тому, что мало кто верил в возможность «честно» накопить «богатство» при «раздаточной экономике». Легитимность такой, а заодно и всякой другой собственности в России всегда была низка. Для получения благ сверху нужно или молчать, или подличать и пресмыкаться при практической бесперспективности роста благосостояния за счет **«самовыражения»**. Любой успех соседа, как правило, воспринимался как несправедливая «раздача».

Башмаков Игорь Алексеевич,
Исполнительный директор Центра по эффективному использованию энергии
ЦЭНЭФ), **Лауреат Нобелевской премии мира 2007 г.**

Весьма интересную статью прочитал в журнале «Вопросы экономики» (www.cenef.ru/file/Russia%202050.pdf) - И.А. Башмаков **«Россия 2050»**.

В ней анализ проблемы прогнозирования развития глобальной экономики в мире и в России. Читая статью, я поймал себя на мысли, что Игорь Алексеевич отвечает и на мои злободневные вопросы:

«Почему абсолютно совершенный, в плане энергоэффективности, купольный дом не может пробить себе дорогу в России? Кто и как будет осуществлять переход строительного комплекса на инновационный путь развития?»

Развитие предприятий стройиндустрии малоэтажного строительства позволит территориям приступить к строительству не только современного энергоэффективного жилья, но и современных объектов просвещения, здравоохранения, других градосоставляющих объектов, создавать жилой фонд для трудовой миграции и для переселения граждан из неперспективных населенных пунктов и т.д. Почему этими вопросами повсеместно во всех регионах занимается политическая партия, а не региональный инвестиционно-строительный комплекс?

Не нарушая последовательности статьи, мы опубликуем здесь выдержки о том, как и какие этнометрические индикаторы мешают России перейти от выживания к инновационному развитию. И почему «на Руси от ума только горе».

«Россия 2050»

«Этнометрический анализ, показал, что **в списке ментальных особенностей России преобладают ценности выживания и, отчасти в силу этого, сравнительно низкая ориентация на будущее!**

Даже в советское время планы были только пятилетними. Только сравнительно недавно Министерство экономического развития и торговли РФ (МЭРТ), стало формировать прогнозы на 9-12 лет вперед, а для ряда документов, таких как «Энергетическая стратегия», горизонт анализа и прогноза расширился до 2030 г. Это очевидный прогресс.

Однако ... на Западе существует несколько исследовательских групп, которые анализируют проблемы развития глобальной экономики, энергетики и климата с горизонтом до 2100 г.

2030г. оказывается слишком близко во времени, чтобы можно было добиться существенных изменений в траекториях развития цивилизации.

В 2006 г. автор этих строк также попытался определить перспективы развития России до 2050 г. В этом прогнозе предполагалась возможность роста ВВП России в 4,3-7,3 раза в 2005-2050 гг., или в среднем на 3-4% в год при снижении численности населения в 2050 г. до 82-121 млн. чел. Знаменательно, что в верхнем варианте прогноза в 2045-2050 гг. кумулятивная добыча нефти в России достигает 20 млрд. т (в 2 раза больше нынешних доказанных запасов нефти России), а природного газа – 31 трлн. м3 (две трети нынешних доказанных запасов газа).

Это означает, что к 2050 г. имеющийся нефтегазовый потенциал России будет практически исчерпан и, если Россия не откроет новых гигантских месторождений углеводородов, то для роста ВВП придется найти новый двигатель с другим топливом.

Здесь возникает вопрос: справится ли с этим Россия, найдет ли она этот новый двигатель, сможет ли перейти на инновационный путь развития?

По мере сокращения дистанции по уровню развития между Россией и развитыми странами возможности заимствования технологий сокращаются, а потребность в их «генерировании» активизации «инновационности», напротив, растет. Собственно необходимость институциональной трансформации именно и возникает из необходимости культивирования «инновационности».

Россия в ближайшие 40-50 лет столкнется с двумя вызовами: проблемой перехода от догоняющего развития к развитию на технологической границе и необходимостью перестройки жесткой институциональной системы России.

В конечном итоге, главным ограничением возможности роста на технологической границе могут оказаться проблемы культуры (в широком смысле), определяющие способность предвидеть появление проблем и принимать эффективные упреждающие действия, возможность активизации творческих способностей, изобретательности и возможность создавать коалиции. Или, другими словами, способность осознать необходимость модернизации, способность меняться и самоорганизовываться для проведения таких изменений. Есть ли у России такие возможности и способности, такая ментальность?

К сожалению, первые опыты этнометрического анализа по России не дают возможности положительно ответить на этот вопрос. В методике Р. Инглхарта есть показатель **«ценности выживания/самовыражения»**.

«Выживание» означает нацеленность на сохранение достигнутого статуса на фоне ненадежности условий жизни и прав собственности. Все новое воспринимается как опасность и угроза. В поведении и принятии решений доминируют стереотипы, а в отношениях – зависть и недоверие.

«Самовыражение», напротив, базируется на гарантиях сохранения достигнутого и накопленного и означает нацеленность на повышение статуса за счет реализации собственных возможностей. Окружающие не воспринимаются как угроза, в отношениях доминирует доверие.

По положению на шкале ценностей **«выживание/самовыражение»** с Россией может конкурировать только Беларусь. Даже такие страны с «восточным» менталитетом как Нигерия, Китай, Индия, Бразилия, Турция оказались намного более продвинутыми в сторону **«самовыражения»**. В этом отношении Россия – «супер Азиопа» и уж совсем не Евразия, или Европа.

В России глубоко укоренились ценности «выживания». Это продукт российской истории, на протяжении не менее тысячи лет. **Все брал и давал верховный правитель, как бы он ни назывался.**

Мало кто был уверен в неприкосновенности своей собственности, а ее экспроприация и последующая раздача сверху, или получение по итогам «кормления», вела к тому, что мало кто верил в возможность «честно» накопить «богатство» при «раздаточной экономике». Легитимность такой, а заодно и всякой другой собственности в России всегда была низка. Для получения благ сверху нужно или молчать, или подличать и пресмыкаться при практической бесперспективности роста благосостояния за счет **«самовыражения»**. Любой успех соседа, как правило, воспринимался как несправедливая «раздача».

Значительная часть заработанного изымалась. Кроме того, любая «византийская» система власти, (которая в России господствует уже тысячу лет) может опираться только на людей зависимых и подчиненных.

Независимы или очень бедные, или очень богатые. Именно они любят **«самовыражаться»**. Следовательно, все должны работать, но никто не должен много зарабатывать. Для этого любая «византийская» система изымает значительную часть продукта и милитаризует экономику. Другой причиной милитаризации являлась необходимость борьбы за «единомыслие» с **«самовыраженцами»** этими внутренними врагами и их внешними союзниками.

Таким образом, в России не сформировалось отношение к самовыражению как основе процветания. **Напротив, на Руси от ума только горе.**

Многие другие «этнометрические» индикаторы являются производными от пропорции **«ценности выживания/самовыражения»**. Низкий уровень доверия ведет к тому, что Россия – чемпион по **«индивидуализму»** «каждый только за себя». В этом плане россияне опередили все страны.

В стране много десятилетий официально культивировался коллективизм, но только на работе или в домах культуры. Все иные формы самоорганизации населения подавлялись. На фоне взаимного недоверия это привело к неспособности создавать устойчивые коалиции, и с их помощью отстаивать свои интересы.

Нынешняя политическая система России сформирована властью и защищает только ее интересы. Практически все альтернативные политические движения не выжили, что еще раз иллюстрирует слабую способность создавать устойчивые коалиции.

Как только люди переселись из бараков и коммуналок в отдельные квартиры в «хрущевках» и получили личное пространство для накопления личного «богатства», которое стало скрытым от чужих глаз и которое нельзя было легко «скоммуниздить», как прежде в бараке, они бросили всю свою энергию на цели личного «обогащения», совсем забыв о коллективизме.

Именно Хрущев, а не Горбачев заложил мину под фундамент социализма, которая рванула всего через 25 лет, когда в бараках уже почти никого не осталось. Японцы, осуществившие «рывок в будущее» в 60-х и 70-х с системой пожизненного найма, или Китай с его еще сильными традициями сельских общинных отношений находятся на противоположной стороне шкалы.

Слабая способность к самоорганизации – причина высокой **«дистанции от власти»** признание за властью ее «божественности», готовность смириться с неравномерностью распределения власти и бесконтрольно доверять ей как принятию решений, так и укрепление старых или формирование новых стереотипов. Как показали 90-е годы, многие россияне оказались не готовы ни сами за себя отвечать, ни формировать эффективные коалиции для отстаивания своих интересов.

Доминирование ценностей выживания над ценностями самовыражения также порождает высокую степень **«избегания неопределенности»** и низкую **«долгосрочную ориентацию»**. Это еще две особенности, которые сдерживают возможности развития на технологической границе, где уровень неопределенности всегда довольно высок. Долгосрочная ориентация особенно важна для принятия инвестиционных решений. Она прямо связана с устойчивостью отношений собственности, что ярко иллюстрирует ситуация в российской нефтяной промышленности, которая при запредельно высоких ценах на нефть не вкладывает достаточно средств в развитие сырьевой базы.

Таким образом, нынешняя культурная традиция России – **«нацеленность на выживание разобщенных индивидов, ориентированных на решение тактических проблем и плохо представляющих, что их ждет в будущем»**. С этим багажом трудно как определить направления модернизации, так и сформировать коалиции для их осуществления.

Рассмотренные ценности инерционны, но не полностью статичны. Именно их нужно менять, а уже вслед за ними сами институты, иначе регресс даже в самой прогрессивной институциональной реформе будет неизбежен. Наивно ожидать от бюрократического государства, что оно само начнет себя модернизировать во имя будущего. Не очень также верится, что в условиях повышения стабильности российской экономики в последние годы найдутся силы, способные убедить государство в необходимости модернизацию и вынудить его ее начать.

Стабильность является важным условием динамичного роста. **Государство тоже действует по стереотипам. Так проще.** Кроме того, всегда остается опасение, что существенная модернизация, подобная модернизации 90-х годов может быть очень болезненна в том числе и для тех, кто ее начнет. Ведь в 1992 г. все называли правительство Гайдара правительством камикадзе.

Возможно, Россия находится в ловушке: для обеспечения выхода в 2050г. на уровни экономического развития, сопоставимые с нынешними уровнями развитых стран, **нужно менять культурные традиции и институты, а менять их некому.**

Неопределенность институциональной ситуации в России накладывается **на многие другие неопределенности и не позволяет четко ответить** на вопросы, как вырастет ВВП России к 2050 г.: в 3 раза, или в 13 раз?, или на каком месте в мировой экономике Россия окажется в 2020 г.?